

СЕГОДНЯ К ЧУКОВСКОМУ — 110 ЛЕТ

Мок. правд. - 1992. - 31 марта

«Подождите, я поставлю точку...»

У него был широкий жест, как бы обнимающий вас и одновременно все человечество. Большие рабочие руки то вскидывались вверх, то разметались в стороны. И вы мгновенно попадали в круг его особого «чуковского» внимания и дружелюбия. Издали была уже видна его широкая улыбка, и он шел на вас весело, словно бы снимая, устаревшую любую возможность жалоб, сетований. Это был сложный, тщательно разработанный, многожды проверенный на людях церемониал. Но только стоило мне, приближаясь к нему, повторять те же примерно движения, как Корней Иванович оставлял свою любимую затею, и просто шел на меня высокий, прямой, улыбчивый человек, донесший до нас обычаи конца прошлого, начала этого века.

Мы познакомились еще до войны, в одном литературном доме. Меня попросили почитать свои стихи. Корней Иванович слушал, глядя поверх моей головы в пространство.

— Принимаю, мне интересно, но окончательный мой суд будет потом, когда я прочитаю текст глазами.

Вскоре после того, как Чуковский прочитал мою рукопись, он назначил мне встречу. Он был занят новыми работами, о которых сообщил мне. Но говорил о рукописи подробно, неторопливо, увлеченно. Он сказал мне тогда много важного и полезного, но прощаясь, уже под занавес, громко, лихо и, как мне тогда показалось, злорадно напутствовал:

— Ну вот, я вам много здесь наговорил. Пробуйте. Пытайтесь. А я буду наблюдать за тем, как вы карабкаетесь.

Надолго общение наше было прервано. В дальнейшем, при возобновившихся встречах я обнаружил, что Корней Иванович забыл о своем обещании слезить за мной, а я забыл, что должен «карабкаться» (обидное для меня словцо). Я имел счастливую возможность видеть, как накапливаются и от издания к изданию растут вширь и вглубь книги «От двух до пяти», «Высокое искусство», «Современники», «Мой Уитмен». Это была увлекательная школа. Она обучала не только тому, как и что писать, но и тому, от каких писаний нужно и должно отказываться, не начиная их.

Однажды я подарил Корнею Ивановичу выпущенный мною томик Баратынского в малой серии «Библиотеки поэта». Че-

рез сутки, усадив меня рядом с собой за стол, он стал страницей за страницей листать мою вступительную статью и примечания.

— У нас только невежды называют это вылавливанием блох. В нашем деле нет мелочей. Вот, глядите: здесь у вас лишняя запятая, а здесь ее же и не хватает. Плохо вычитываете свои сочинения. Заставляете старика делать лишние движения карандашом.

Обиды у меня не было. Только недовольство собой. Не желая загружать и без того сверх меры занятого Корнея Ивановича, я время от времени подбрасывал ему то одну, то другую рукопись. И он неизменно читал с той же серьезностью и ответственностью, что всегда.

Обычно Корней Иванович начал время для встреч в пять часов пополудни. Почтительно взбираюсь на второй этаж. Услышав мои шаги, Корней Иванович, не показываясь, громко оповещает меня:

— Прошу вас, подождите минут десять. Пройдите направо в библиотеку.

Прохожу в библиотеку, взглянув налево. Корней Иванович сидит за столом. Он продолжает:

— Вот-вот я поставлю точку, гладкую точку в конце тома моих статей 1906—1913 годов. Между прочим, это лучшее из того, что я написал. Поставлю точку, и тогда поговорим.

Даже на прогулках, по большому и малому переделкинским кругам, при встречах со знакомыми, с детьми, за чаем чувствовалось, что он тянется к «верстаку», к своему рабочему столу. Несколько раз в условленное время — в пять по часам (он любил точность) — приходил я и столько же раз слышал его громкий бодрый голос.

— Прошу вас, подождите минут десять. Я вот-вот поставлю точку в конце своей старой работы.

— Корней Иванович, я приду в другой раз. Не хочу мешать вам.

— Ни в коем случае. Ждите.

Я ждал. Время шло не быстро, не медленно, а так, как ему свойственно: весомо и, увы, безвозвратно. Корней Иванович появлялся в дверях — сияющий, дружелюбный, довольный тем, что удалось поработать и поставить ту самую сакраментальную точку. Таким он мне и видится сейчас, таким он и врезался в мою память.

Л. ОЗЕРОВ.